

УДК 81-13:82.0

**КАТЕГОРИИ “ИДИОЛЕКТ”, “ИДИОСТИЛЬ”, “ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ”
И МЕТОДИКИ ИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ
В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

О.Д. Тихоненко

Делается попытка определить категории “идиолект”, “идиостиль”, “языковая личность”, проследить их взаимосвязь, а также выделить методики их лингвистического описания.

Ключевые слова: научная парадигма; идиолект; идиостиль; языковая личность; методика лингвистического описания.

Конец XX в. ознаменован сменой научной парадигмы в языкознании. Лингвисты переходят от изучения структуры языка к рассмотрению языковых способностей человека, к вопросу о выражении внутреннего мира личности через язык.

В рамках структурной модели языка при анализе языка художественных текстов того или иного писателя, а также для выявления авторской языковой индивидуальности ученые пользовались такими терминами, как “идиолект” и “идиостиль”. Эти понятия сменяются термином “языковая личность” при антропоцентрическом подходе. Цель данной статьи – разобраться в содержании категорий идиолект, идиостиль, языковая личность, понять, как они связаны друг с другом и определить методики их описания.

Необходимо отметить, что в современной лингвистике сосуществуют два подхода: структурно-функциональный и антропоцентрический. Изучение языка только в рамках одного подхода будет являться неполным и односторонним. При исследовании такого сложного “организма”, как язык, следует учитывать все доступные и возможные методы, знакомые ученым.

Представители структурно-функционального подхода¹ концентрируют свое внимание на системе языка. Произведения художественной литературы и тексты книжных стилей, как правило, служат материалом исследования. В лингвистике анализировались художественные

произведения классиков с целью выявления индивидуального языкового стиля (идиолекта) писателя, что объясняется образцовым умением классика пользоваться национальным языком. По мнению лингвистов, творческий человек, будучи представителем данной культуры, отражает через свою речь как индивидуальное мировидение, так и стереотипы, характерные для рядового носителя. При этом в традиционной лингвистике не уделяли внимания лингвистическим особенностям языка “среднего носителя”.

Авторитетным лингвистом, который одним из первых начал изучать индивидуальные стили писателей, был В.В. Виноградов [1]. В своих работах ученый отмечал, что исследование творчества писателя заключается в анализе стиля произведений автора. По его мнению, это кропотливый труд, предполагающий изучение всего наследия писателя, так как только исследование всех текстов автора позволяет делать выводы об особенностях идиостиля писателя и его развитии. Подобное широкое понимание идиолекта отражено в “Лингвистическом энциклопедическом словаре”: идиолект – “реализация данного языка в устах индивида, т. е. совокупность текстов, порождаемых говорящим и исследуемых лингвистом с целью изучения системы языка” [2, с. 171]. Кроме того отмечается, что идиолект отражает “совокупность формальных и стилистических особенностей, свойственных речи отдельного носителя данного языка” [2, с. 171].

В.В. Виноградов полагал, что в стиле автора прослеживается преемственность между предыдущей литературной эпохой и последующей.

---

¹ В.Г. Гак, А.В. Бондарко, Г.А. Золотова, Н.А. Слюсарева и др.

Б.А. Ларин, В.П. Григорьев, Ю.С. Степанов и др. разделяли эту точку зрения. Эти исследователи стояли на той методической позиции, что анализ произведения писателя с целью описания его идиолекта состоит в сборе и установлении повторяющихся в тексте “предельных, далее неразложимых без потери смысла словесных образов” (Степанов Ю.С.). Иначе говоря, необходимо выделить круг языковых средств, характерных для речевого стиля писателя.

При стилистическом анализе языковых элементов и их функций в тексте, созданном в другую эпоху, исследователю необходимо знать общие нормы употребления слов и особенности синтаксических конструкций в данное время, чтобы реконструировать неискаженную картину авторского стиля (Ю.М. Лотман, В.В. Виноградов, В.П. Григорьев и др.).

Понятия *идиолекта* и *идиостиля* близки, но неодинаковы. Точное определение термина “идиостиль” не встречается в научной литературе, но из работ названных лингвистов можно сделать вывод, что идиостиль – это совокупность идиолектов авторов-современников. По В.П. Григорьеву, “схожесть словесных формул говорит о принадлежности писателя к определенному *идиостилю* определенной эпохи” (курсив наш. – Т.О.) [3, с. 86]. В.В. Виноградов утверждал, что обнаружение “общих тенденций в произведениях разных авторов позволяет отнести творчество конкретного писателя к определенной литературной школе” [1, с. 231]. Эти “общие тенденции” в создании текста, языковые традиции целого поколения писателей и представляют собой понятие идиолекта.

Б.А. Ларин, В.П. Григорьев, Ю. Манн и др., следуя принципам структурно-функционального подхода и стилистического направления, старались разглядеть в самом тексте систему языковых средств, используемых данным автором. Можно сказать, что интерпретация индивидуальной авторской картины мира лингвистами основывалась на их интуиции, определялась поиском языковых элементов в синтагматическом (изучение “в длину”) и парадигматическом (изучение “в глубину”) аспектах текста. Но определенного алгоритма анализа идиолекта писателя выработано не было.

В.В. Виноградов отмечал неразвитость и незнание данной научной области [1]. Его устремления выработать методику лингвистического описания идиолекта и идиостиля обобщаются в виде следующих шагов изучения стиля писателя:

1) описание стиля отдельных произведений автора;

2) определение общего направления творчества и характер изменений в методах стилистического конструирования целостных эстетических объектов в их хронологическом движении;

3) определение стилистических традиций, скрестившихся в творчестве;

4) определение в стиле писателя эволюции той или иной разновидности речи, которую этот художник воспринял у современников или своих предшественников;

5) выявление методов и характера стилистических преобразований, которым подверглись в художественной системе писателя воспринятые им формы поэтического стиля;

6) отражение восприятия стиля писателя сменяющимися литературными поколениями, отражение его в художественных конструкциях последующих писателей [1, с. 232].

Предложенная метода позволяет увидеть особенности речевой индивидуальности автора, выявить влияние других писателей на художественный язык данной личности.

Для осуществления таких целей в рамках структурно-функционального подхода лингвисты скрупулезно рассматривали лексику текстов, изобразительно-выразительные средства языка, ярко характеризующие авторский стиль.

Особое значение В.В. Виноградов придавал исследованию символики текста. Как он говорил, это позволяет постичь “словесную стихию поэта в ее частях, формах эстетического комбинирования и в ее внутренней связанности” [1, с. 370]. Действительно, символ – словесный знак, включающий в себя целую систему смыслов, которые не видны на поверхности, и нужно усилие со стороны читателя, чтобы “выгащить” этот глубинный смысл. В.В. Виноградов считал, что “понятие стиля языка основано не столько на совокупности установившихся “внешних” лексико-фразеологических и грамматических примет, сколько на своеобразных внутренних экспрессивно-смысловых принципах отбора, объединения, сочетания и мотивированного применения выражений и конструкций” [4, с. 196]. Исследование символов, системы тропов и стилистических фигур, использованных в уникальных сочетаниях (синтагматика), а также лексики в парадигматическом аспекте открывает ученому особенности стиля языка писателя.

При данном подходе ученые так или иначе обращались к личности писателя, хотя приоритет отдавался изучению особенностей его языка. В 1930 г. в книге “О художественной прозе” В.В. Виноградов впервые употребил термин “языковая личность”. Историческими предпосылками для возникновения подобного понятия были идеи таких

языковедов, как И.А. Бодуэн де Куртенэ, А.А. Потебня и др., о том, что язык является выразителем духа народа, нации.

Учение о языковой личности (ЯЛ) привлекло внимание многих лингвистов. Можно выделить три основные направления изучения ЯЛ в лингвистике: структурное (М.В. Антропов, Г.И. Богин, Е.В. Иванцова, Ю.Н. Караулов и др.), коммуникативное (А.А. Волков, В.Е. Гольдин, В.И. Карасик, О.Б. Сиротинина и др.), стратегическое (Л.В. Барсук, А.А. Залевская, С.А. Наумова и др.)¹.

В научной литературе описание ЯЛ осуществляется с разных позиций: психолингвистической (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Н.И. Жинкин), когнитивной (Е.С. Кубрякова, М. Минский), социолингвистической (В.А. Аврорин, Т.И. Ерофеева, Т.В. Кочеткова), лингвокультурологической (В.А. Маслова, В.И. Карасик), лингводидактической (Н.Д. Голев, Н.Б. Лебедева, Л.П. Клобукова).

Исследователи выделяют различные “типы ЯЛ”: полилектная (многоличностная), идиолектная (частноличностная), этносемантическая, элитарная ЯЛ, русская ЯЛ, языковая и речевая личность, словарная ЯЛ и др.

В настоящей статье в качестве рабочего определения ЯЛ используется то, которое предложил Ю.Н. Караулов. Языковая личность – “совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью” [5, с. 8].

Структура ЯЛ по Караулову наводит на мысль, что охарактеризовать автора текста как языковую личность возможно, пройдя три ступени исследования.

Во-первых, необходимо рассмотреть особенности использования писателем языковых единиц (вербально-семантический уровень). По мнению ученого, следует изучать слова, используемые автором, в их грамматико-парадигматических, семантико-синтаксических и ассоциативных отношениях. Например, читая произведения Б.Л. Пастернака, мы замечаем, что его языку чужды внелитературные элементы. Однако если обратиться, например, к текстам М.А. Шолохова, можно увидеть, что они изобилуют диалектизмами. Неверно говорить, что шоло-

ховский язык неправильный. Использование диалектных слов – это стилистическая особенность авторского языка.

Во-вторых, неповторимость ЯЛ автора текста как говорящего помогает увидеть анализ тезаурусного уровня. Здесь предполагается изучение когнитивных понятий, а именно идей и концептов. Рассмотрение языка писателя с данной стороны позволяет исследователю определить семантические поля, раскрывающие авторскую картину мира.

В-третьих, надо изучить деятельностно-коммуникативные потребности автора текста как говорящего (мотивационный = прагматический уровень), а именно изучить образы (символы) прецедентных текстов культуры, выйти на особенности коммуникативной ситуации и коммуникативных ролей, выражающих цели и замысел писателя.

Чтобы охарактеризовать языковые особенности восприятия окружающего мира у данной ЯЛ, наиболее логичным считается изучение ЯЛ данного автора (или среднего носителя) через анализ корпуса текстов, создаваемых ею. Языковеды не только изучают лексические средства, используемые говорящим. Лингвистам необходимо еще найти языковые единицы, способные отражать сложный процесс облачения иерархии смыслов в языковую форму.

Воркачев С.Г. полагает, что такой ментально-языковой единицей является концепт [6]. Ученый отмечает, что в семантический состав концепта входит предметная отнесенность, коммуникативно значимая информация (место концепта в лексической системе языка – парадигматические, синтагматические, словообразовательные связи), прагматическая информация языкового знака (экспрессивность), когнитивная память слова (смысловые характеристики языкового знака, связанные с его исконным предназначением и системой духовных ценностей носителей языка) и культурно-этнический компонент (определяющий специфику семантики единиц естественного языка и отражающий языковую картину мира его носителей). Концепт в речевом высказывании автора дополняется новыми личностными смыслами и таким образом отражает уникальное видение мира.

Так, например, рассмотрим, как реализуется концепт “жизнь” в стихотворении Б. Пастернака “Март”.

И. Обратимся к общеязыковой семантике понятия “жизнь”. В. Даль определяет жизнь как “живот, житие, бытие; состояние особи, существование отдельной личности” [7, с. 541]. С.И. Ожегов выделяет 5 значений:

¹ См. подробнее: URL: tverlingua.ru/21.9_21.pdf

1) Совокупность явлений, происходящих в организмах, особая форма существования и движения материи, возникшая на определенной ступени ее развития; 2) Физиологическое существование человека, животного; 3) Деятельность общества и человека в тех или иных ее проявлениях; 4) Реальная действительность; 5) Оживление, проявление деятельности, энергия [8, с.166].

Из данных определений видно, что понятие “жизнь” относится к широкому денотативному пространству (экстенсионалу).

Синонимы слова “жизнь” в русском языке – существование, бытие, живот, век, житье [9, с. 140–141], антонимы – кончина, конец [9, с. 530]. Как видим, синонимичных слов больше. Следовательно, для русской ментальности слово “жизнь” позитивно, более значимо в аспекте утверждения бытия.

Однокоренные слова: живительный, животное, живучесть, живучий, жизнеспособный, жизнестойкий, жизненный, жилец, жилище, жить, жизнеописание. Все эти слова несут в своем значении коннотацию положительную: энергии, стойкости, оптимизма, дома, тепла, времени. Жизнь позитивна и разнообразна в своих проявлениях.

II. Семантическое пространство концепта “жизнь” в русской языковой картине мира расширяет когнитивный объем слова, который можно проследить в ассоциациях к данному понятию. Ассоциации, взятые из “Славянского ассоциативного словаря”, можно классифицировать по частям речи, чтобы точнее проследить разнообразие смыслов, “всплывающих” у носителя языка при упоминании понятия “жизнь”.

Ассоциативный ряд существительных к слову “жизнь”: смерть, радость, счастье, вечность, дорога, игра, путь, время, существование, любовь, свет, миг, судьба, жестянка, борьба, вода, дар, добро, подарок, работа, ребенок, река, сила, сказка, суэта, бог, горе, деньги, дети, дом, дыхание, земля, начало, огонь, утро, хлеб, часы, человек, счастье, энергия.

Ассоциируемые со словом “жизнь” прилагательные: а) полная форма: короткая, длинная, хорошая, вечная, большая, счастливая, красивая, трудная, собачья, богатая (ощущениями); краткая форма: прекрасна, коротка, невечна.

Глаголы: идет, продолжается, прожить, бороться, прошла.

Краткое причастие: кончена.

Местоимение: моя.

Наречие: вдвоем [10, с. 116–118].

На основе приведенных ассоциаций можно обобщить так: жизнь кажется человеку длинной,

но в то же время в более широком масштабе человеческая жизнь – это миг. Жизнь – это путь, по которому человек идет, борясь, радуясь. Жизнь красивая, счастливая, яркая, полная разнообразных событий, это дар Бога, сказка, но с другой стороны, жизнь трудна. Чтобы жить хорошо, человек должен работать и бороться.

III. Зная, какими смыслами наполнен концепт “жизнь” в понимании носителя русского языка, мы можем проследить и авторское видение этого концепта на примере стихотворения Б. Пастернака “Март”.

Март.

I. 1 Солнце греет до седьмого пота,

2 И бушует, одурев, овраг.

3 Как у дюжей скотницы работа,

4 Дело у весны кипит в руках.

II 5 Чахнет снег и болен малокровьем

6 В веточках бессильно синих жил.

7 Но дымится жизнь в хлеву коровьем,

8 И здоровьем пышат зубья вил.

III. 9 Эти ночи, эти дни и ночи!

10 Дробь капелей к середине дня,

11 Кровельных сосулек худосочье,

12 Ручейков бессонных болтовня!

VI 13 Настежь все, конюшня и коровник.

14 Голуби в снегу клюют овес,

15 И всего живитель и виновник,–

16 Пахнет свежим воздухом навоз.

[11, с. 388].

Стихотворение “Март” создает образ счастья и восторга от жизни. Автор использует слова: солнце, весна, жизнь, здоровье, живитель. Эта лексика задает мажорный тон произведению. Солнце – податель света, тепла основа жизни, весна – начало жизни, ее пробуждение и обновление. Весна сопровождается движением, суетой, об этом нам говорят глагольные и отглагольные метафоры: солнце греет до седьмого пота; бушует, одурев, овраг; дело у весны кипит в руках; дымится жизнь; здоровьем пышат зубья вил; ручейков бессонных болтовня. Такие словосочетания помогают читателю проникнуться духом весеннего восторга, тепла, новых забот и стремлений. Читателю сообщается о том, что жизнь расцветает после долгого сна, зимнего затишья. Весна – это праздник для людей. Счастливое, веселое, восторженное настроение стихотворения создается и введением деталей из крестьянских будней: ...как у дюжей скотницы работа, дело у весны кипит в руках, дымится жизнь в хлеву коровьем, здоровьем пышат зубья вил, конюшня, коровник, голуби клюют овес, пахнет свежим воздухом навоз. Подобные бытовые подробности рисуют картину трудовой жизни людей.

Всем известно, что для крестьянина труд – главная радость жизни, это основа его бытия. Чувствуется авторское сопереживание этой веселой суете. В тексте выражается пафос радости и счастья, понимаемых как высокое нравственное отношение к жизни.

Таким образом, концепт “жизнь” Б.Л. Пастернаком дополняется в стихотворении “Март” такими личностными смыслами, как солнце, весна, здоровье, работа, крестьянский труд, суета, радость.

Ю.Н. Караулов говорит о том, что между языком и человеком существует промежуточный язык – язык мысли, который можно категоризировать с помощью терминов-понятий: образы (визуальный образ, изображение), гештальты (структуры, с помощью которых организованы мысли, процессы познания, восприятия, эмоции, моторная деятельность и язык), фреймы (понятие, означающее определенное рода целостность, в рамках которой люди осмысливают себя в мире), двигательное представление (совокупность действий, составляющих двигательный образ), картина (упорядоченные некоторым системным способом образы восприятия), формулы, диаграммы, слова.

Все эти ментальные единицы живут в высказывании не сами по себе, а связываются ситуацией, в которой происходит общение. Исследователь, который рассматривает ЯЛ говорящего для получения целостного и полного анализа должен изучать не только речь, но и внеязыковые факторы, условия, в которых происходит общение (дискурс). Ю.Н. Караулов указывает: “Нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю, к человеку, к конкретной языковой личности, которая рассматривается не как часть многогранного понимания личности, а как вид полноценного представления личности, вмещающий в себя и психический, и социальный, и этический, и другие компоненты, но преломленные через ее язык, ее дискурс”¹ [5, с. 7].

Исследуя ЯЛ, современный ученый изучает не только язык текста, но и анализирует ментальные языковые образования, учитывая надтекстовые компоненты высказывания. Таким образом, он выходит на а) особенности авторского владения языком, б) уникальную картину мира личности, а также на в) целевую направленность произведения.

¹ Лингвистический словарь дает такое определение дискурса. Дискурс – “связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте”. Дискурс – это речь, “погруженная в жизнь” [2, с. 136–137].

Можно сказать, что в такой трактовке речь шла об обобщенной языковой личности. Со смежной научной парадигмы лингвисты обратились к человеку как объекту исследования, причем рассматривали этот феномен с точки зрения разных наук. Ученые стремились разглядеть в речи говорящего психологические, социальные, культурологические, лингвистические, дидактические и др. особенности как факторы, формирующие человека и, следовательно, его речь. Антропоцентрический подход к лингвистике вызвал интерес к “среднему носителю языка” (Ю.Н. Караулов).

В современной лингвистике различают еще и понятия языковой личности и речевой личности. Речевая личность – это ЯЛ в контексте реального общения, в деятельности. Языковая личность – это парадигма речевых личностей (Л.П. Клобукова).

Например, такие поэты XX века, как К.Д. Бальмонт, А. Белый, А.А. Блок, З. Гиппиус, В. Брюсов, Ф. Сологуб, М. Волошин и др., творили в уникальной, только им присущей языковой форме. Каждый автор при анализе его творчества выступает как отдельная речевая личность. Однако вместе они представляют собой обобщенную языковую личность XX в. определенного типа.

Таким образом, можно провести параллели между понятиями идиолект, идиостиль и языковая личность. Идиолект – это совокупность особенностей языка отдельного человека. Идиостиль является более широким понятием и представляет собой парадигму идиолектов. Языковая личность – совокупность способностей человека, обуславливающих особенности создания и восприятия им текстов, которые отличаются тремя уровнями: 1) степенью владения языком (тезаурус); 2) своеобразием картины мира; 3) целевой направленностью. Конечно, учение о ЯЛ является новым витком развития науки о языке, но оно, так или иначе, возникло на базе положений В.В. Виноградова о языке художественной литературы. Термин речевая личность соотносится с понятием идиолект, а термин ЯЛ соответствует понятию идиостиль.

Новая научная парадигма основывается на функционально-структуралистских понятиях, но ставит акцент не на языковой форме как таковой, а на мировосприятии человека, выражаемом им через язык. Новый взгляд на объект в языкознании нацелил ученых на рассмотрение языка как на орудие мыслительных процессов и как способ выражения мыслительного продукта (высказывания). Лингвистическое исследование в настоящее время выходит за пределы текста как замкнутой структуры и рассматривает речь в ситуации общения. Подобный подход

стирает грани между такими науками, как внутренняя лингвистика, культурология, психология, философия и др., и позволяет увидеть объемную живую личность говорящего.

Для нас важно было осознать преемственность между научными парадигмами, понять, что в лингвистике один подход к языку не опровергает другой. Каждый подход представляет собой определённый ракурс описания языка. Поэтому при анализе текста следует руководствоваться всеми предложенными достижениями, чтобы выйти на разные смыслы, заложенные автором в тексте.

Литература

1. *Виноградов В.В.* Избранные труды. Поэтика русской литературы / В.В. Виноградов. М.: Наука, 1976.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцева. М: Советская энциклопедия., 1990.
3. *Григорьев В.П.* Грамматика идиостиля: В. Хлебников / В.П. Григорьев. М.: Наука, 1983.
4. *Виноградов В.В.* О языке художественной литературы / В.В. Виноградов. М.: Гослитиздат, 1959.
5. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. 3-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2003.
6. *Воркачев С.Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: Становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
7. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. А–З / В. Даль. М.: Рус. яз., 1999.
8. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / С.И. Ожегов. М.: Гос. изд-во ин-х и нац-х словарей, 1953.
9. Словарь синонимов: Справочное пособие / под ред. А.П. Евгеньевой. Л.: Наука, 1975.
10. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова и др. М.: ИЯ РАН, 2004.
11. *Пастернак Б.Л.* Доктор Живаго: Роман / Б.Л. Пастернак. М.: Книжная палата, 1989.